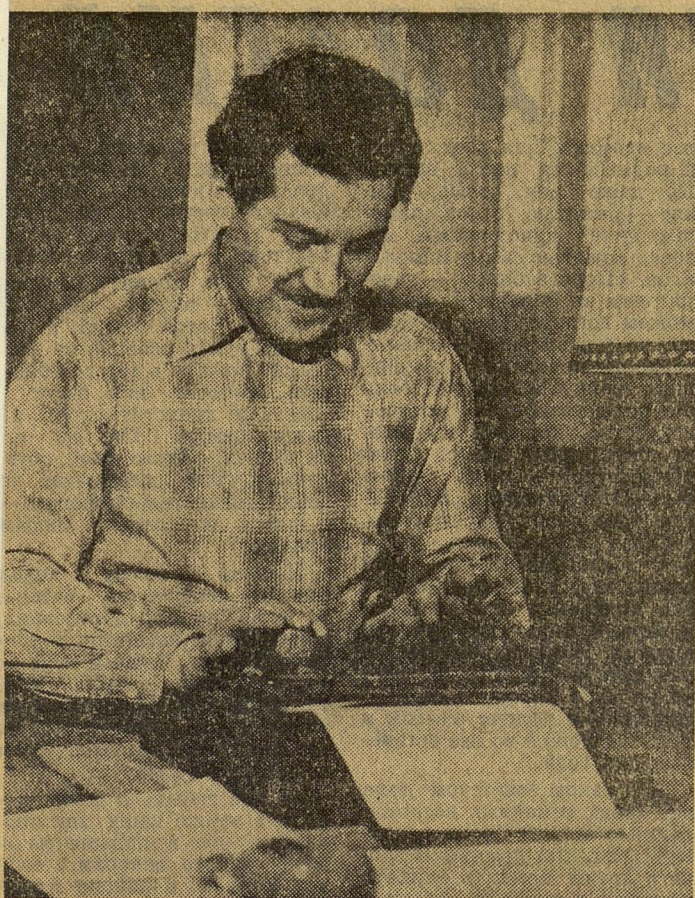

люди искусства

БАЛЛАДА О РЕЖИССЕРЕ

Владимир ОГНЕВ

Григорий Чухрай — имя показательное для нашего киноискусства прежде всего тем, что оно обозначило — ярко и смело — начало нового этапа его развития в середине 50-х годов. Для нас, советских людей, фильмы Г. Чухрая «Сорок первый», «Баллада о солдате», «Чистое небо» были признаками обновления кинематографа. А искусство Запада в лице передовых, совестливых художников испытало при знакомстве с «феноменом Чухрая» ностальгическое состояние встречи с искусством... классики, с ее чистыми формами, гуманизмом, романтическим отношением к жизни. Вспомним, что триумф «Баллады о солдате» на XIII Каннском кинофестивале происходил на таком фоне шедевров мирового экрана, как «Сладкая жизнь» Феллини, «Приключение» Антониони, «Источник» Бергмана!

Светлое, идеальное начало жизни — коренные и корневые качества отечественного искусства — в фильмах Г. Чухрая опирались на выстраданный, нелегкий исторический и личный опыт. В 1939 году, накануне вступительных экзаменов во ВГИК, он призывается в армию; на второй день Отечественной войны, на марше, получает первое ранение, а последнее — в апреле 1945 года! Между ними — воздушные десанты, оборона и прорыв вражеских войск под Сталинградом. Потом тяжелая болезнь после демобилизации и упорный труд, воля к жизни. Война и возрождение страны, бурные годы общественных преобразований — ничто для Чухрая не было сторонним делом. Он всегда — в гуще, в буре, в схватке.

Его герои — Алеша из «Баллады», Астахов из «Чистого неба» — типы разного возраста, но одного человеческого материала. У них цельный и ясный взгляд на жизнь. Они готовы к подвигу, готовы прийти на помощь другим и делают это безоглядно, естественно и бескорыстно.

Г. Чухрай — экспериментатор. В прошлом теперь Экспериментальная творческая киностудия — его детище и предмет многолетних мучительных организационных и творческих усилий. Но в прошлом только номинально. Принципы ее оставили свои следы. Опыт студии не пропал даром. Мне посчастливилось работать с Чухраем в те годы, когда ЭТК, а затем ЭТО (Экспериментальное творческое объединение при «Мосфильме») собирали силы талантливых режиссеров и сценаристов. Директором ЭТК был одаренный организатор Владимир Познер, членами художественного совета — К. Симонов, Л. Кулиджанов, А. Караганов. Но душа студии всегда оставался Г. Чухрай, ее художествен-

ный руководитель. Как бывший главный редактор студии засвидетельствую, что ни до, ни после существования ЭТК (ЭТО) мне лично не приходилось так много и интересно работать, иногда по суткам забывая о сне и отдыхе. Но зато какие имена, какие работы оставили память по «студии Чухрая», как ее называли неофициально. Одни фильмы выходили под маркой ЭТК (ЭТО), другие «вызрели» в ее недрах, чтобы потом составить славу общего нашего искусства, выйдя на экраны уже под маркой других киностудий!..

Так или иначе, а от судьбы студии оказались неотделимы фильмы «Не горюй!», «Пиромани», «Белорусский вокзал», «Белое солнце пустыни», «Солярис» и другие картины многих наших ведущих кинорежиссеров.

Когда Г. Чухрай берется за какое-нибудь дело, он весь в нем. А его бесконечные проекты перестройки кинодела, докладные, споры, приглашение научных институтов, кибернетиков, участвующих в разработке НОТ...

Это же целая эпопея — десятилетия, не годы посвятил талантливый режиссер делам государственной важности: как удешевить производство и одновременно отбавить от него серые кадры нетворческих людей, как сократить путь сценария к съемочной площадке, если он того заслуживает, как привести в соответствие систему оплаты с творческим итогом, а не формальными «показателями», и т. д., и т. п. А рядом — в беседах с близкими людьми — знаменитые чухраевские рассказы о будущих фильмах, которые, к сожалению, и на одну сотую долю... не стали фильмами. Почему? Тут много причин. Но главная одна. Он до последнего момента сомневается — лучшее ли это решение. И его ли эта тема. Он дарит другим щедро и бескорыстно выношенное и выстраданное. Мне горько, что до сих пор не реализованы многие замыслы Г. Чухрая. Вот один из них. В рассказах он назывался по-разному. Помню одно из названий — «Двое». Воздушный бой над тундрой.

Белые просторы пустыни, мертвой и немой. Обмерзшие, голодные, раненые, два человека, два врага, среди гигантских безлюдных просторанств Земли. Чтобы выжить, они должны жить иначе, — помогать друг другу... В белой снежной пустыне — два живых существа. Люди с одной планеты. Нет, не пацифизмом, не абстрактным, как говорят, гуманизмом дышит эта история. Тоской по времени без войн и ненависти. И разве не звучит здесь знакомый мотив... «Сорок первого»? Его это, его замысел, Чухрай! Его тема, его душа... А новое прочтение «Аэлиты»

А. Толстого? Г. Чухрай много раз «заходил» на тему, но что-то мешает ему попытаться счастья в интересующем его жанре фантастики. Я вспоминаю и другие его замыслы. В них всегда есть история любви в большом, типичном для отечественной классики нашей значении добра и сострадания к человеку. Не в стороне от главного чухраевского пафоса и его недавняя картина «Жизнь прекрасна».

Вы заметили, Чухрай не боится показаться сентиментальным? «Жили-были старик со старухой» — не исключение. Слезы, прямота чувства, цельные и простые герои, взволнованность, передающаяся в самой атмосфере действия — в ключе его эмоционального подхода к жизни. Стиль Г. Чухрая — быт, как бы высветленный памятью. А память — понятие сугубо личностное, лирическое. Мы видим так, как хотим видеть. Помимо воли. Г. Чухрай не может видеть иначе, чем через призму народной доброты. Человечности. Почему, например, любовь проходит через все его фильмы? Почему любовь неотделима от проблемы человеческого счастья, его большой судьбы? Любовь Марюшки к пленному поручику, человеку другого мира, пришедшая на дорогах войны, чистая любовь Алеши Скворцова, выстраданное чувство Саши Львовой и Астахова, трогательная верность одиноких стариков... Через чувство любви режиссер смотрит на мир и судит о нем. В природе его дарования нет ничего от аналитика, «разбирающего» жизнь. К обобщениям подводит Г. Чухрай чувство, инстинкт правды и добра. В фильме «Память» он интервьюирует мать погибшего солдата. «Вот, бывало, ночью сплю... Кошка запищала где-нибудь... Это, может быть, он, мало ли?..» Посмотрите на лицо слушающего Г. Чухрая. В нем столько страдания. Он не чувствует себя в кадре. Он живет горем матери. — «Он никуда ведь без моего разрешения не ходил...» — «Тихим был парень?» — переспрашивает Г. Чухрай. «Тихий, очень тихий». — «А вот на фронт пошел». — «А как же иначе. Надо было идти. Надо было идти, конечно». И трудно избавиться от чувства, будто сам Г. Чухрай ощущает себя виноватым в горе матери. Словно перед ним мать Алеши Скворцова, которого он, художник, не мог спасти...

У Г. Чухрая есть хобби, над которым мы, его друзья, добродушно любим подтрунивать. В комнате нет места, где бы не стоял какой-нибудь звуковой аппарат. Паутина проводов опутывает стены. Это и переговорные устройства, и магнитофоны, и автоматические «секретари», и диктофоны... Хозяин считает, что беседа — суть творчества, начало акта творчества, так или иначе затрагивающего важное дело его жизни... Он постоянно в форме. Тренинге, что ли. И аппараты Чухрая словно бы подчеркивают: нельзя слишком долго «болтать», надо работать, думать, спорить, искать. Ведь бытовой разговорной машине «не интересен», не правда ли?..

Заряженностью на творчество Г. Чухрай напоминает мне всех истинно талантливых художников. Но у него свое лицо, свой внутренний мир, свой ход мысли и подспудной работы над образом. Обязательный собеседник, наделенный своеобразным чувством юмора и лукавством человека, умеющего ладить и с людьми не особо приятными, если они не лишены главного качества — понимать искусство. Г. Чухрай принципиален, когда речь заходит о дорогом и важном деле, тут он становится просто упрямым, не идет на компромиссы, не думает о впечатлении, которое производит на других. Тут он хороший воспитатель молодых, как в свое время добрыми и нравственно цельными образами учителей были для него А. Довженко, М. Ромм, С. Юткевич, о которых он говорит трогательно-почтительно в свои шестьдесят лет.

Надо ли гадать, каким будет очередной фильм художника, чье творчество уже ответ на главные вопросы современности. Сделанное Г. Чухраем вошло в золотой фонд советского искусства. То, что ему предстоит сделать завтра, будет, это несомненно, находится на том же пути человечности и воинственного добра.

● Народный артист СССР
Григорий Чухрай.

Фото Б. Виленкина.